

жа, принадлежащих трем разным поколениям — Антуан, Жермена и старик-торговец — играют в игры, вне зависимости от возраста, а значит, остаются в душе детьми. Старик беседует с чучелом птицы, играет с ним в шахматы, да и все оформление витрины его лавочки — сплошная забава. Жермена, войдя в лавочку, принимает его правила игры, причем делает это абсолютно искренне: «Ей казалось, что птице угрожает реальная опасность».

Может быть, и одиноки они оттого, что, с их детским восприятием счастья и справедливости, эти герои не вписались в рамки взрослого мира.

В любой классической новелле особую роль играет финал. Не является исключением и данное произведение. Писатель делает так, что чудаковатый старик, хозяин лавки, выбирает худенькую, прозрачную, но по-настоящему любящую сына Жермену принцессой и продает ей (а по сути, дарит) вожделенные сапоги. Финал новеллы светел, лиричен и оптимистичен. Сын, надев волшебные сапоги, приносит маме букет первых солнечных лучей с другого конца света. И нет никаких фей и волшебников. Чудеса случаются благодаря пониманию, любви и детскому взгляду на жизнь, который не утратили некоторые взрослые.

Д. В. Питолин

**ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
ПРИ МЕТАФОРИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ
КОНЦЕПТА «ЧУЖОЙ» В РАМКАХ ДИХОТОМИИ
«СВОЙ — ЧУЖОЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ НА СПАНГЛИШЕ
И АФРОАМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ**

***Historical realia in metaphoric modelling of the concept «alien»
in Spanglish and African-American fiction***

The article describes historical realia that Spanglish and African-American authors use to construct metaphoric concept «alien».

Keywords: *bilingualism, language contact, spanglish, contemporary american fiction, conceptual metaphor.*

Концепт «чужой» является частью концептуальной диады «свой — чужой», представляющей одной из базовых бинарных оппозиций в языковой картине мира. Эта оппозиция служит универсальным принципом концептуализации реальности, при помощи которого действительность трансформируется в биполярные категории. По словам Ю. Степанова, концептуальная диада «свой — чужой» «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов, с. 126].

Материалом для написания статьи послужила 21 книга современных американских афроамериканских авторов и авторов, пишущих на спанглише. Для современных произведений как для носителей спанглиша, так и для афроамериканских писателей, обращение к истории характерно не столько с целью ее изучения, сколько для манифестации современных взглядов на мир представителями каждой из лингвокультур.

Языковой статус спанглиша сегодня является объектом научных споров: точки зрения находятся в диапазоне от именования спанглиша лишь проявлением банальной неграмотности и неумением говорить ни на английском, ни на испанском языке [Betanzos Palacios], до признания его новым языком Нового Света, призванным объединить в языковом смысле Северную и Южную Америку [Stavans, p. 54]. Наиболее взвешенным, мотивированным и продуктивным для исследования представляется мнение о спанглише как об интерязыке, т. е. языке, «на котором говорят на лингвистических границах» [Franco, Solorio, p. 77].

Долгое время ни афроамериканский английский, ни спанглиш не признавались в качестве литературных языков. Однако с появлением движения за гражданские права 1960-х годов стали появляться писатели, признанные широкой общественностью, сначала и прежде всего на афроамериканском английском, а позднее и на спанглише. Современных афроамериканских писателей можно назвать уже вторым поколением афроамериканцев, чьи работы получают литературные премии и широкое признание среди литературных критиков. С другой стороны, современные пишущие на спанглише

авторы впервые в истории так разнообразно представлены литературной общественности.

Также можно утверждать, что работы 1960–1970-х годов, посвященные афроамериканскому английскому, в первую очередь У. Лабовы, позволили переосмыслить языковой статус афроамериканского английского [Rickford]. Постепенный уход от стигматизации афроамериканского английского и его понимания как «искаженного» английского языка способствовал публикации афроамериканской литературы именно в том виде, в котором она задумывалась и была написана. Это позволило афроамериканским писателям того времени не только опубликовать свои работы, но и получить широкое признание среди читателей и критиков. Одними из наиболее успешных писателей того поколения можно назвать Т. Моррисон, М. Анджелоу, Э. Уокер, которые не только рассказали истории афроамериканцев не афроамериканским читателям, но и были удостоены самых престижных литературных премий. Несмотря на то, что современные афроамериканские писатели сформировались под сильным влиянием авторов, чей дебют по времени совпал с движением за гражданские права, их произведения в меньшей степени являются манифестами и адресованы более широкому кругу читателей, а также в меньшей степени отражают личный опыт авторов.

Современных пишущих на спанглише авторов, с другой стороны, можно назвать лишь первой по-настоящему массовой волной в американской литературе. То внимание, которое получил афроамериканский английский в 60-е годы XX века, спанглиш получил только на рубеже XX–XXI веков. Определенная табуированность спанглиша как литературного языка сохранялась на протяжении значительного периода, что в большой степени препятствовало развитию литературы на спанглише. Однако достижения афроамериканских писателей проложили дорогу новому поколению не только афроамериканцев, но и латиноамериканцев. Учитывая определенные различия в культуре и литературной традиции разных стран Латинской Америки, а также влияния афроамериканских авторов, сегодня сложно говорить о последовательной традиции литературы на спанглише, но есть основания полагать, что успех современных авторов, пишущих на спанглише, может стать ее основой.

Для моделирования концепта «чужой» современные афроамериканские писатели апеллируют прежде всего к тем периодам истории, когда разделение в США именно по расовому признаку было наиболее однозначным и безапелляционным. Прежде всего это относится ко временам рабства. Одним из наиболее выразительных образов при метафорическом моделировании концепта «чужой» можно назвать слово «massa» (искаженное англ. *master*). Так афроамериканцы в те времена обращались к рабовладельцам [OED online]. Сегодня же, желая подчеркнуть, что кто-то из афроамериканцев находится в угнетенном или приниженном положении относительно «белых» американцев, проводятся подобные исторические параллели, напоминающие о том, что подобное положение вещей не ново. “My mother’s so busy trying to get a pat on the head from Massa that she can’t give me gas money”. «Моя мать так занята попытками заработать одобрительное поглаживание по голове от Массы, что не может дать мне денег на бензин» [Whitehead, p. 59]. Однако подобная расово-ориентированная метафора может использоваться и в отношении других афроамериканцев в случае, если они занимают более высокое служебное положение и «командуют» или «надзирают» за работой других. “Shift over?” Nick said. “Our master has spoken.” “Master?” I asked, before NP beat me to it. «Смена кончилась? — спросил Ник. — Так велел хозяин». — «Хозяин?» — переспросил я, опередив ЭнПи [Whitehead, p. 115].

Тем не менее внутри сообщества афроамериканцев подобная метафора контекстуально может быть обращена в шутку или издевку. Однако подобное употребление допустимо лишь внутри небольшого сообщества близких людей, как, например, в приведенной ниже цитате, где описывается разговор подростков, друзей детства. Это было бы немыслимо в отношении малознакомых людей или представителей другой расы. *There was a routine he used to do when one of us got mad at him, where he pulled up his shirt and clowned, “Please, Massa, Massa, Massa, please,” anticipating the whip. У него была привычка, когда кто-то из нас на него злился, стаскивать рубашку и придуриваться: «Пожалуйста, Масса, Масса, Масса, пожалуйста», ожидая хлыста* [Whitehead, p. 178].

Также афроамериканцы примеряют на себя образ коренных жителей Америки, подвергшихся жестоким гонениям со стороны поселенцев. *Other times — and this was most common for Alberta, even with the increased police presence in the still-black neighborhood to protect the few white “pioneers” in their own renovated houses — the paralyzed Alberta became aware of robbers down at the back door. В другие разы — и именно так было чаще всего в Альберте, даже с увеличением полицейского присутствия во все еще черном районе для охраны немногих белых «пионеров» в их отремонтированных домах — парализованная Альберта узнавала о грабителях по соседству* [Jones, p. 170]. Следуя логике этой метафоры, «белые» американцы приходят на территорию, где до этого исторически они не жили, однако они приходят не для мирного сосуществования бок о бок с «коренным» населением, но чтобы силой расширить свою территорию, притесняя тех, кто первым начал жить здесь. Как и в случае с американскими индейцами, афроамериканцы не ждут ничего хорошего от появившихся «белых пионеров», зная, что при желании они смогут вытеснить «коренных жителей» этих мест любыми средствами.

Другая историческая реалья, положенная в основу метафоры, формирующей образ «чужого» в современной афроамериканской литературе, — это ку клукс клан. Основанная в 1865 году и окончательно не запрещенная по сей день организация до сих пор является кошмаром афроамериканцев: *Who had left these things, who was lurking in the shadows? “The KKK” was the usual answer, the reliable if unlikely boogeyman, tossed out there to amp up the feeling of danger. Кто оставил эти вещи, кто прячется в тени? «KKK» — обычный ответ, чтобы ещё усилить чувство опасности, когда даже бука (boogeyman) не может этого сделать* [Whitehead, p. 35]. Эта ультраправая организация настолько прочно заняла место главного врага любого афроамериканца, что каждый ребенок уже с детства начинает придумывать как убежать от ее представителей, обхитрить их. *Nonetheless, everybody immediately traded versions of how they were going to outrun the KKK. Тем не менее все обменивались версиями того, как они собираются обхитрить KKK* [Whitehead, p. 36].

Но не для всех времена расовой дискриминации прошли. Precious, героиня романа Sapphire «Push», ставит знак равенства между

страной, где она живет, и ку клукс кланом. *North America America = KKK* [Sapphire, p. 66]. Хотя подобное утверждение и выглядит весьма радикальным, сегодня ни название, ни символика этой организации не находятся под запретом в США.

Гибридность языковой картины мира носителей спанглиша отражается и в метафорическом моделировании концептуальной диады «свой — чужой». Так, одним из значимых исторических событий, в которых мир ясно разделен на «своих» и «чужих», для носителей спанглиша является реконкиста. В своем прямом значении термин «Реконкиста» традиционно описывает отвоевание христианскими народами (в основном португальцами и испанцами) пиренейского полуострова у мавров, закончившееся в 1492 году. *Marichal is only the beginning, he predicted, of a reconquista. Маришаль — это только начало, предсказал он, реконкисты* [Díaz, p. 110]. Однако, говоря о реконкисте, персонаж Дж. Диаза имеет ввиду возвращение под контроль латиноамериканцев земель, отошедших США после поражения Мексики в Американо-мексиканской войне 1846–1848 годов. По договору Гваделупе-Идальго, территории современных штатов Невада, Калифорния, Техас, Юта, а также частично территории Нью-Мексико, Вайоминг, Колорадо и Аризона перешли под контроль США. Таким образом, если трактовать эти события как потерю испаноязычным населением своих земель, то демографическая ситуация, сложившаяся в XX — начале XXI века, когда значительную часть населения этих штатов вновь стали составлять носители испанского языка, может считаться своеобразным возвращением этих территорий испаноязычным американцам.

Писатели мексиканского происхождения также вспоминают о своей исторической связи с ацтеками. Так, в своей книге «*Killer chronicas*» Чавез-Сильверман, имеющая мексиканские корни, описывает место рождения своей героини как *Los Angeles, Califaztlán. Лос-Анджелес, Калифацтлан* [Chavez-Silverman, p. 3], тогда как нормативно оно должно быть названо Лос-Анджелес, Калифорния. Слово Калифацтлан (Califaztlán) происходит из сочетания названия штата Калифорния и мифического названия прародины ацтеков Ацтлана. Считая территорий юго-запада США своей прародиной, некоторые придерживающиеся националистических взглядов мексиканцы ис-

пользуют понятие «Калифацтлан» в политическом контексте, также указывая на то, что носители английского языка — пришельцы на их земле.

Также авторы обращаются и к более недавним событиям истории. В 1983 году в одной из своих речей президент США Р. Рейган назвал СССР «Империей Зла (Evil Empire)». Однако вскоре этот образ стал использоваться критиками политики США. Находясь в системе координат США — Латинская Америка, носители спанглиша употребляют это словосочетание, критикуя США. *Es también aquí, en lo que llamo el Evil Empire* Также здесь, в месте, которое я называю Империей Зла [Chavez-Silverman, p. 53]. Для описания своего нового дома в США, Чавез-Сильверман использует словосочетание «Inland Empire (Внутренняя Империя)». Начиная с первой половины XX века так называют один из районов южной Калифорнии, так как он не имеет выхода к Тихому океану. По мере повествования героиня проходит от отрицания и недовольства своим новым домом к его приятию, и тогда даже его прозвище воспринимается с иронией. *Renuncié la boludez de mi Northern California snobbery cuando me mudé of Evil (OK, It's an Inland) Empire, the easernmost edge de los Angeles Country. Я отказалась от глупости своего северокалифорнийского снобизма, когда переехала в Империю Зла (ОК, во Внутреннюю Империю) на самый северо-восточный край округа Лос-Анджелес* [Chavez-Silverman, p. 8]. Восприятие героиней США как Империи Зла, а также Внутренней Империи как неблагополучного места проходит. Однако для того чтобы перестать считать место с таким названием «чужим» уходит почти 10 лет.

Авторы также прибегают к метафорам со сферой-источником «история», относящимся к мировой истории, а не к истории только Нового Света. Если рассматривать историю XX века, то, в массовом сознании нацисты Третьего рейха предстают абсолютным злом. Несмотря на то, что действие происходит в Доминиканской Республике, агрессивно настроенный человек с оружием воспринимается как представитель тайной полиции *You almost got Papi killed for being so rude to that gestapo guy,» Из-за того, что ты так грубила тому гестаповцу, Папу чуть не убили* [Alvarez, p. 217]. Усиливает

сходство и то, что этот человек служит в государственной полиции и приходил арестовывать отца главной героини за инакомыслие.

Таким образом, при метафорическом моделировании концепта «чужой» в художественной литературе на афроамериканском английском превалируют реалии, связанные с историей США, тогда как в художественной литературе на спанглише, в зависимости от происхождения и самоидентификации персонажа, в этом качестве могут выступать реалии и эпизоды истории Испании, Латинской Америки и США.

Степанов Ю. Константы. Словарь русской культуры / Ю. Степанов. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академ. проект, 2004. 991 с.

Alvarez J. How the Garcia girls lost their accent / J. Alvarez. Algonquin Books, 1991. 250 с.

Betanzos Palacios O. El español en Estados Unidos: problemas y logros / O. Betanzos Palacios // II Congreso Nacional de Valladolid, 2001. URL: http://congresosdelengua.es/valladolid/ponencias/unidad_diversidad_del_espanol/3_el_espanol_en_los_EEUU/betanzos_o.htm

Chávez-Silverman S. Killer Crónicas / S. Chávez-Silverman. Bilingual Memories University of Wisconsin Press, 2004.

Díaz J. The brief wondrous life of Oscar Wao / J. Díaz. New York : Riverhead books, 2007. 335 p.

Franco J. C., Solorio T. Baby-Steps Towards Building a Spanglish Language Model / J. C. Franco, T. Solorio. UTEP Technical Departmental, 2007. 11 p.

Jones E. P. All Aunt Hagar's Children / E. P. Jones. Stories Amistad, 2006. 416 p.

OED Online // Oxford University Press, 2016. URL: <http://www.oed.com/view/Entry/114672?redirectedFrom=massa>.

Rickford J. R. Labov's contributions to the study of African American Vernacular English: Pursuing linguistic and social equity / J. R. Rickford // J. of Sociolinguistics. 2016. № 20. P. 561–580.

Sapphire. Push: A Novel. Vintage, 1997. 81 p.

Stavans I. Spanglish: The Making of a New American Language / I. Stavans. New York : Harper Perennia, 2004. 288 p.

Whitehead C. Sag Harbor / C. Whitehead. Anchor, 2010. 315 p.